

И последнее. Хотя я сам себя причисляю к психологам, но по характеру своих работ постоянно вынужден, так или иначе, рассматривать вопросы дидактики, конкретных методик, а также теоретические вопросы педагогики. И это не случайно – изучение учебной деятельности школьников, проводимое исследовательским методом *формирующего экспериментирования* (а этот метод является, по нашему мнению, наиболее современным и адекватным), должно быть по-настоящему комплексным и охватывать в своей целостности философско-логические, психологические, дидактические, методические и физиолого-гигиенические аспекты этой деятельности.

Подобное исследование должны проводить *вместе и на единой экспериментальной базе* специалисты всех указанных дисциплин. И когда нам удавалось именно так организовать работу, то она была наиболее продуктивной. И специалисты разного научного профиля, по нашим наблюдениям, сами научились относительно хорошо ориентироваться в вопросах смежных дисциплин.

Для нас вся современная проблематика учебной деятельности по сути дела является в основном *комплексной логико-психолого-педагогической проблематикой*. Это не исключает, конечно, такого планирования всего исследования, чтобы каждый специалист решал собственные задачи, но только при постоянных деловых консультациях со «смежниками», и только в совместной работе с ними. Это залог научно-практического успеха в изучении новых проблем теории учебной деятельности.

1.2. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В. В. Давыдов

Меня попросили здесь сделать сообщение о возможностях и перспективах теории деятельности, достаточно известной сейчас во многих гуманитарных науках. Я являюсь последовательным ее сторонником, и мой научный коллектив приводит свои экспериментальные исследования на ее основе.

* Доклад был прочитан в Амстердаме 9 октября 1992 г. Текст доклада предоставил проф. Л. К. Максимов (авторские шрифтовые выделения сохранены).

В мае 1990 г. на 2-м Международном конгрессе по теории деятельности, проходившем в Финляндии, я изложил еще нерешенные ее проблемы. На мой взгляд, разработка именно этих проблем серьезно продвинет вперед всю междисциплинарную теорию деятельности (на некоторых из них я остановлюсь несколько позже). Вместе с тем некоторые сторонники теории деятельности одновременно являются последователями междисциплинарной культурно-исторической теории. Как соотносятся и как связаны эти, на первый взгляд, независимые друг от друга теории? Этот вопрос будет ключевым для моего сообщения, более того, я полагаю, что именно в соединении основных идей этих двух теорий можно найти подлинный источник для их взаимообогащения, источник развертывания новых пластов теории деятельности.

Две указанные теории имеют большую историю, отдельные их положения иногда «перекликались» друг с другом, но в основном они, к сожалению, длительное время строились независимо и обособленно друг от друга, что серьезно их обедняло. Сейчас наступило время найти между ними нечто существенно общее, единое, обогащающее их.

Вначале мне нужно кратко сформулировать основные положения теории деятельности и некоторые ее проблемы.

Деятельность – это специфическая форма общественно-исторического бытия людей, состоящая в целенаправленном преобразовании ими природной и социальной действительности. В отличие от законов природы, законы общества обнаруживаются только через человеческую деятельность, которая создает *новые* формы и свойства действительности, превращает некоторый исходный материал в продукт. Любая деятельность, осуществляемая ее субъектом, включает в себя цель, средство, сам процесс преобразования и его результат.

Цель деятельности возникает у человека как *образ* предвидимого результата созидания. Преобразующий и целеполагающий характер деятельности позволяет ее субъекту выйти за рамки любой ситуации и встать над задаваемой ею детерминацией, вписывая ее в более широкий контекст общественно-исторического бытия, и тем самым найти средство, выходящее за пределы возможностей данной детерминации. Деятельность постоянно и неограниченно преодолевает лежащие в ее основе «программы», поэтому ее нельзя ограничивать преобразованием наличной действительности по

уже установившимся культурным нормам. В этом обнаруживаются принципиальная открытость и универсальность деятельности, ее нужно понимать как форму исторического культурного творчества.

Понятие деятельности с античных времен разрабатывалось по преимуществу в идеалистической философии и особенно глубоко в немецкой классической философии. Так, у Канта субъект рассмотрен не как созерцающий действительность, а как *созидающий* формы предметного мира. В ранг всеобщего основания культуры деятельности впервые возвел Фихте. Но наиболее развитую теорию деятельности построил Гегель, который описал всеобщую ее схему, обстоятельно проанализировал диалектику ее структуры (в частности, взаимоопределяемость цели и средства), сделал ряд глубоких замечаний о социально-исторической и культурной обусловленности деятельности и ее форм.

Основы диалектико-материалистического понимания деятельности заложил Маркс, который использовал при этом достижения немецких классиков, особенно Гегеля. При описании общих особенностей человеческого труда он характеризует его, прежде всего, как деятельность человека, изменяющую природу и использующую при этом свойства одних природных вещей в качестве орудий воздействия на другие вещи, превращая их тем самым в орган своей деятельности. Воздействуя на природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет и свою собственную природу.

Согласно К. Марксу, деятельность осуществляется в рамках определенных общественных связей и отношений. Понятие деятельности служит той исходной абстракцией, конкретизация которой позволяет создать общую теорию развития общественного бытия и его отдельных сфер. Первичной формой деятельности является производство материальных орудий, с помощью которых люди создают предметы, удовлетворяющие их жизненные потребности. Материальное производство (труд) имеет универсальный характер, поскольку в принципе может создавать любые орудия и предметы. В процессе исторического развития материального производства и общественных отношений возникло и приобрело относительную самостоятельность своеобразное духовное производство. Но оно так же, как и материальное производство, имеет универсально-преобразовательный и общественный характер.

Материальная и духовная деятельность людей и соответствующие им типы производства служат основой возникновения и раз-

вития общественного и индивидуального сознания, личности отдельного человека.

В конце XIX – начале XX в. разрабатывались различные представления, касающиеся в основном такой существенной составляющей деятельности, как *действие*. Так, Дьюи в русле философии прагматизма создал теорию действий в качестве инструменталистского содержания человеческих понятий. Вебер, проанализировав разные виды индивидуальных социальных действий, выделил в них особое значение ценностных установок и ориентаций. Пиаже на логико-математической и психологической основе разработал развернутую концепцию действия и операционального интеллекта человека.

Вместе с тем в западной философии появились тенденции отказа от рассмотрения деятельности как сущности человеческого бытия и всеобщего основания культуры; формам деятельности отказывалось в самодостаточности (*феноменология* Гуссерля), на место целеполагания ставились порыв и переживания (философия *экзистенциализма*); резкой критике подвергались те представления о деятельности, в которых просматривались отрицательные социальные последствия техницистского активизма, не подчиненного нравственным началам. В гуманитарных науках стало ослабевать влияние теорий деятельности. Но в 60–70-х годах в разных странах оживился интерес к полидисциплинарной теоретической и экспериментальной разработке проблем деятельности (работы Хольцкампа и др.). Об этом свидетельствует также проведение нескольких международных симпозиумов и конгрессов, а также создание международного общества по изучению теории деятельности и его журнала «Activity Theory», выходящего с 1988 г. в Берлине на английском языке.

В нашей стране после революции 1917 года проблемы деятельности разрабатывались в различных гуманитарных дисциплинах, но прежде всего в философии (труды П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, Э.Г. Юдина, В.П. Иванова и др.) и психологии (работы С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др.).

В конце 1980-х годов в России развернулась дискуссия о статусе понятия деятельности, о его полидисциплинарном характере и месте среди других гуманитарных понятий (общественных отношений, общения и др.), об объяснительных возможностях теорий деятельности и теорий «недеятельностного» типа (в результате в Мо-

ске в 1990 г. вышел интересный сборник работ «Деятельность: теории, методология, проблемы»).

Часть специалистов гуманитарного профиля, считая недостаточными позиции той или иной конкретной теории деятельности, признает вместе с тем эвристическое значение этого понятия или отдельных составляющих деятельности (например, действия) и использует их в своих работах. В этой исследовательской практике возникло представление о «деятельностном подходе» к изучению отдельных сторон поведения, сознания и личности человека, это представление выражает некоторую общую направленность в подходе к человеку на основе использования различных моментов в понятии деятельности.

Классификация видов деятельности затруднена тем, что в мировой гуманитарной науке сам этот термин имеет широкое значение. Так, в английском языке русское слово «деятельность» переводится термином “Activity”, поэтому любой вид практической или познавательной активности человека называется этим словом. Однако не все проявления его жизненной активности могут быть отнесены к «деятельности», подлинная деятельность всегда связана с преобразованием действительности, чему в большей степени соответствуют немецкие слова “Tatigkeit” и “Handlung”.

Хотя в определении самого понятия «деятельность» входит термин «преобразование действительности», подлинное его значение, глубинный его смысл, на мой взгляд, еще не раскрыты. Это одна из основных нерешенных проблем современной теории деятельности, без попыток ее решения определить деятельность нельзя, отчленить ее от других форм активности человека невозможно. Раскрыть смысл «преобразования» может только специальный философско-логический анализ исторически развивающейся деятельности людей.

Даже краткое изложение содержания деятельности показывает, что оно имеет культурно-историческую форму. Эта форма предполагает развитие деятельности в истории культуры. История материальной и духовной культуры неотрывна от истории различных видов деятельности (трудовой, художественной, политической и любой другой). Следует специально отметить, что функционирование любой деятельности осуществляется в процессах *общения* людей.

Однако нужно назвать и такой факт: многие теоретические суждения о деятельности *не опираются* на достаточно фундаментальные и развернутые исследования, реальную историю того или ино-

го вида деятельности, например трудовой. До сих пор мало исследований, посвященных происхождению и историческому развитию, например, таких видов деятельности, как художественная, учебная и др. Тем более что нет специальных исследований, посвященных взаимосвязи тех или иных видов деятельности в различные эпохи развития культуры, посвященных приоритетному значению конкретного вида деятельности в определенные исторические периоды. Серьезный сырой материал, касающийся всех этих проблем, в гуманитарных науках накоплен огромный, но он еще не продуман с позиций теории деятельности, в свете ее основных понятий.

Трудности такого продумывания ясны: соответствующий материал необходимо анализировать с позиций полидисциплинарной теории, т. е. одновременно с позиций философии, исторической социологии, исторической психологии, культурологии, этнографии и других гуманитарных дисциплин. Мне кажется, что эти трудности начали частично преодолевать сторонники генетической эпистемологии (дисциплины, создаваемой в последние годы жизни Жаном Пиаже и его последователями). Мне известен еще один яркий пример конкретного анализа *истории* учебной деятельности, проведенный финским ученым Энгештремом в его книге “Learning by expanding: An activity-theoretical approach to developmental research”, вышедшей в Хельсинки в 1987 г. Замечательный анализ истории игровой деятельности провел наш психолог Д.Б. Эльконин в своей знаменитой книге «Психология игры». Но всего этого, на мой взгляд, очень мало. Правда, можно полагать, что существуют и другие примеры подобного анализа, которые мне лично пока, к сожалению, не известны.

Я считаю, что культурно-исторические аспекты деятельности до сих пор фундаментально *не изучены*. Из многих причин этого обстоятельства назову две. Первая из них связана с тем, что сторонники теории деятельности особенно тщательно экспериментально изучали ее содержание и психологическое строение вне историко-культурного контекста. Вторая причина определялась тем, что деятельность экспериментальными методами можно изучать лишь применительно к ее развитию в онтогенезе, например, в детском возрасте. Отсутствие широко поставленных сравнительных исследований детства у разных народов с позиций теории деятельности (во всяком случае у нас в России) усугубляло ущемление ее историко-культурных аспектов. Преимущественная ориентация на конкретно-экспериментальное исследование деятельности средства-

ми психологии приводила к игнорированию комплексного изучения ее истории по материалам различных гуманитарных наук.

Достижения в области экспериментального изучения различных видов детской деятельности значительны (сошлемся, например, на работы научной школы Леонтьева), но они как раз и выделяют слабости разработок в области историко-культурных оснований полидисциплинарной теории деятельности.

Эту теорию нужно в ближайшие годы развивать именно путем повышения уровня ее полидисциплинарности, на основе существенного расширения исследований в области исторической социологии различных видов деятельности (слабое использование возможностей этой дисциплины – одна из нерешенных общих проблем теории деятельности), за счет привлечения материалов психологии, педагогики, этнографии, культурологии, на основе организации специальных сравнительных исследований деятельности у народов, находящихся на различных ступенях своего социально-экономического развития.

Но здесь возникает нелегкая проблема проведения полидисциплинарного исследования деятельности, проблема того, на какой основе его организовывать. На мой взгляд, основой такого исследования должны быть философско-логический анализ смысла «преобразования» и данные исторической социологии, относящиеся к развитию деятельности. Материалы других научных дисциплин могут конкретизировать и уточнять все то, что так или иначе связано с происхождением, развитием и взаимосвязью различных видов деятельности. Именно так может строиться полидисциплинарная теория этих процессов.

В истории гуманитарных наук применительно к общественному бытию людей длительное время создавалась еще одна теория, которая свое окончательное *название* получила благодаря работам Льва Выготского, – это *культурно-историческая теория* развития деятельности, сознания и личности человека. Эта теория имеет много источников и достаточное количество изложений, я же здесь сформулирую те ее основные положения, которые характерны именно для Л.С. Выготского. Эти положения опираются на глубокий анализ им фактических материалов по социологии и психологии развития человека, истории развития знаково-символических систем и средств человеческого общения. Главные положения теории Выготского следующие:

1) основой психического развития человека является качественное изменение социальной ситуации его жизни (или его деятельности);

2) всеобщими моментами психического развития человека служат его обучение и воспитание, формы которых имеют исторически проходящий характер;

3) исходной формой деятельности является ее развернутое выполнение человеком во внешнем (социально-культурном) плане;

4) психические новообразования, возникающие у человека, производны от интериоризации исходной формы его деятельности;

5) существенная роль в процессе интериоризации принадлежит различным знаково-символическим системам, возникающим в истории культуры;

6) важное значение в деятельности и сознании человека имеют его интеллект и эмоции, находящиеся во внутреннем единстве.

Как видим, в теории Выготского содержится нечто такое, что связано с понятием деятельности. Но главное в ней – это не раскрытие содержания и строения деятельности, а описание процесса ее интериоризации с помощью различных знаково-символических систем. Это характеристика происхождения у человека различных психических новообразований на основе овладения им достижениями исторической культуры в процессе обучения и воспитания.

В теории Л. С. Выготского слабо проработано понятие деятельности, но глубоко раскрыто происхождение сознания человека благодаря использованию им в процессе общения с другими людьми знаковых и символических систем, имеющих культурно-историческую природу.

Некоторые российские ученики и последователи Л. С. Выготского после его смерти стали усиленно, но вместе с тем и односторонне разрабатывать понятие деятельности (например, А.Н. Леонтьев и др.), другие – понятие знаковых (речевых) систем (например, А.Р. Лурия и др.). К сожалению, получилось так, что при единстве исходных теоретических предпосылок конкретные исследования, проводимые в научной школе Л. С. Выготского, проходили в разных направлениях. Эти направления односторонне выявляли либо собственно *деятельностный* аспект жизни людей (ее культурно-исторические основания оставались в тени), либо *знаковый* ее аспект (в этом случае в тени оставалось собственно деятельностное начало жизни человека).

Хочу отметить, что в некоторых странах Запада наблюдалось аналогичное расслоение ученых при изучении основ общественного бытия людей. Так, в Германии, имеющей значительные традиции в философско-логическом изучении деятельности, приоритетным был и остается *собственно деятельностный подход* (работы К. Хольцкампа и др.). В США же, где в 1970–1980-е годы наблюдался «бум Выготского», его последователи, исходя из научных традиций своей страны, раскрывали по преимуществу *знаковые основания* жизни человека (работы М. Коула, Д. Верча и др.). В других странах также, по-видимому, наблюдается такое же расслоение научных позиций.

Хочу рассказать вам о тех причинах, которые определили господство в бывшем Советском Союзе чисто деятельностного аспекта соответствующей теории в ущерб замечательной теории Л. С. Выготского. В годы социалистического тоталитаризма у нас в стране был принят лозунг о преобразовании социальной и природной действительности ради достижения милитаристских и захватнических целей нового класса эксплуататоров – партийно-государственной номенклатуры. Главное было в том, чтобы *сломить* волю трудящихся и путем их рабского труда в отсталой стране создавать тяжелую и оборонную промышленность. Это и было реальным преобразованием, лишенным ориентиров на достоинства и права граждан страны. Это было преобразование без нравственных и правовых ориентиров, это был *техницистский* активизм, игнорирующий реальные культурно-исторические традиции великого народа, наша природная среда была чудовищно исковеркана, были нарушены все законы нормальной экологии. Такое игнорирование традиций и законов обеспечивалось мощной системой репрессивных санкций, вплоть до геноцида нашего населения.

В этих условиях идеологи тоталитаризма поддерживали общую идею деятельности, но голой деятельности вне ее культурно-исторического оформления. Все наши гуманитарные науки в своих фундаментальных идеях жестко контролировались этими идеологами. Поэтому наши ученые-гуманитарии очень много лет не могли разрабатывать идеи Л.С. Выготского, а также М.М. Бахтина, они не могли всерьез обсуждать достижения русской философии конца прошлого – начала этого века (труды В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и др.), поскольку эти достижения прямо были связаны с пониманием общего смысла истории культуры.

Большевистский тоталитаризм тяжело отразился на судьбах советской философско-психологической теории деятельности. Это обстоятельство нужно учитывать нашим ученым при восстановлении ее единства с культурно-историческими аспектами.

Я, будучи последователем школы Выготского – Лурии – Леонтьева, экспериментально изучаю проблемы деятельности. И я пришел к следующим выводам. Во-первых, нельзя понять происхождение деятельности у отдельного человека без раскрытия ее изначальных связей с процессами общения, без изначальных связей с символами-знаковыми системами. Следовательно, деятельность, общение, диалог, знаково-символические системы нужно изучать вместе. Во-вторых, такое изучение предполагает полидисциплинарный подход, объединение усилий разных специалистов. В-третьих, указанный способ исследования развития деятельности в онтогенезе может привести к положительным результатам только при параллельном изучении ее развития и истории культуры. Лишь проследивание единства онтогенеза и филогенеза деятельности позволяет раскрыть ее сущность и роль в жизни людей и отдельного человека. Иными словами, целесообразно объединить разные аспекты в изучении деятельности.

Изложенные здесь идеи имеются в моих публикациях, изданных в США, Германии, Голландии и в других странах. Назову две книги, которые можно прочитать на английском языке: “The problems of Developing Instruction” (журн. “Soviet Education”, 1988, № 8–10); “Types of Generalization in Instruction” (Virginia, 1990).

Таким образом, перспективы полидисциплинарной теории деятельности в значительной степени связаны с объединением чисто деятельностного и чисто знакового подходов или с соединением возможностей собственно теории деятельности и культурно-исторической теории развития человека. Конечно, реализация этого научного пожелания, реализация последствий тех выводов, которые я сформулировал несколько раньше, – дело нелегкое и сложное. Но я думаю, что иного пути при создании развернутой теории деятельности нет.

Мне кажется, что в работе ISCRAT*, его совещаний и конгрессов целесообразно учитывать сложное и неоднозначное положение в современной теории деятельности и внимательно прислушиваться, с одной стороны, к доводам тех, кто по-деловому критику-

* Международное общество культурных исследований и теории деятельности. – *Пед.*

ет эту теорию, с другой стороны, и это главное, выслушивать тех сторонников этой теории, которые сами стоят на знаковых позициях. В основе нашей работы должен лежать принцип *научного плюрализма*, предполагающий наличие как конкурирующих, так и сотрудничающих групп. Но, конечно, таких, которые все же признают тот или иной вариант теории деятельности, хотя нам важно знать и аргументы ее решительных противников. Конечная, пусть и далекая, цель нашей работы должна состоять в создании общеприемлемой полидисциплинарной теории деятельности.

Иногда складывается впечатление, что будто бы существуют западный и восточный варианты теории деятельности. Мне кажется, что таких вариантов *нет*. Но я уже раньше говорил о том, что есть существенно важные *акценты* в этой теории. Они, конечно, связаны с традициями ученых той или иной страны, но не по разделу «запад» и «восток». Так, чисто деятельностный аспект в ущерб знаковому характерен для ученых Германии и России. Понятно основание этого акцента: понятие деятельности в этих странах формировалось на основе гегелевско-марксового подхода к ней. И вместе с тем знаковый акцент был жестко сформулирован Выготским в России, а затем получил решительную поддержку в США.

Теперь же нам в пределах международной организации «ISCRAT» необходимо искать пути *гармонизации* этих акцентов ради *создания* подлинной современной теории деятельности, именно «создания», а не простого повторения того, что нам осталось в наследство от прошлого. И вместе с тем это наследство весьма серьезное и большое, и отбрасывать его нельзя.

1.3. НАУЧНАЯ ШКОЛА В.В. ДАВЫДОВА: ИСТОРИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ*

В.В. Рубцов

Бесспорным представляется тот факт, что существующая научная школа В.В. Давыдова – это действующее, гармонично развивающееся творческое сообщество исследователей, связанных идея-

* Параграф монографии написан на основе статей, опубликованных в журнале «Психологическая наука и образование».